

РОЗДІЛ ПЕРШИЙ

УДК 316. 01

*Л.Бевзенко,
доктор социологических наук*

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАКТИК ПОВСЕ- ДНЕВНОСТИ В СИТУАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ПЕРЕХОДНОСТИ: ВОЗМОЖНЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОВОРОТЫ

В центре внимания автора – механизмы трансформации практик повседневности в ситуации социальной нестабильности. Новые методологические повороты предлагается искать в соединении концептуальных предложений праксеологии П.Бурдьё и нелинейных моделей, лежащих в ядре постнеклассической исследовательской программы.

***Keywords:** social transitionalness, practices of daily, habitus, nonlinear approaches, evolutionary and bifurcational mechanisms of transformation.*

***Ключові слова:** соціальна перехідність, практики повсякденності, габітус, нелінійні підходи, еволюційні та біфуркаційні механізми трансформації.*

***Ключевые слова:** социальная переходность, практики повседневности, габитус, нелинейные подходы, эволюционные и бифуркационные механизмы трансформации.*

К актуализации проблемы трансформации практик повседневности в ситуации социальной переходности логично подойти, отталкиваясь от проблемы более масштабного звучания, которую можно обозначить как проблему изменения практик повседневности в ситуации кризис-

ных, неравновесных, нестабильных состояний социальной системы. В нашем отечественном социологическом дискурсе подобные вопросы традиционно соотносятся с той кризисностью и нестабильностью, которая генетически восходит к социально-политическим переменам, начавшимся в момент распада СССР и выхода Украины на непростой путь утверждения собственного независимого государства. Но, бросив взгляд на мировые процессы начала второго десятилетия нынешнего века, можно сказать, что ареал кризисных обществ стремительно расширяется. Ситуации нестабильности, неравновесности того или иного порядка, большего или меньшего масштаба, возникают на карте мира с возрастающей частотой. Генезис их очень различен – от политического, социального, геополитического до техногенного, природного, геоклиматического. Яркими примерами в этом ряду могут быть африканские революции конца 2010 – начала 2011 года и катастрофическое землетрясение в Японии марта 2011-го. Будучи генетически абсолютно различными, все названные ситуации провоцируют дестабилизацию механизмов сохранения устойчивого социального порядка. Для каждого конкретного человека это оборачивается резким разрушением привычного рисунка повседневности. Практики повседневности, которые были релевантными стабильным состояниям общества, оказываются непригодными для ситуации нестабильности.

Исходя из этого, логично поставить *вопрос – как меняются практики повседневности в названных ситуациях, можно ли типизировать механизмы этих изменений и следует ли вообще говорить о механизмах во множественном числе.*

Начну с прояснения *понимания нестабильности*, от которого буду отталкиваться. Употребление понятия «состояние нестабильности» является необходимым и оправданным в качестве дихотомической пары по отношению к «состоянию стабильности» и носит в силу этого очень обобщенный характер. Вариантов дестабилизации, ее

причин и глубины может быть много. Вариативность здесь наблюдается как в пространственном (в одном регионе нестабильности больше, чем в другом), так и во временном измерении (нестабильность как кратковременное отклонение и нестабильность как значительно затянувшееся состояние). Еще одним моментом, усиливающим эту вариативность, может быть мера управляемости, подконтрольности этой ситуации тем или иным социальным институтам, наличие ресурсов и механизмов для ее нейтрализации. О вариативности причин дестабилизации мы сказали выше.

В случае если бы мы сосредоточились собственно на проблеме макросостояний общества, данная детализация вопроса социальной нестабильности имела бы значение. Но в проекции на практики повседневности вопрос генезиса причины их внезапного разрушения имеет, с моей точки зрения, второстепенное значение, а в плане меры рассматриваемой нестабильности наибольший интерес представляет ситуация значительной дестабилизации. В таком случае мы можем сосредоточиться на вопросе: *как человек себя будет вести в случае, если оказываются нерелевантными привычные способы решения его повседневных проблем?* Это ситуация, когда вдруг оказываются невыполнимыми привычные и рутинные акты заботы о пропитании, тепле, о безопасности детей, привычные формы общения с близкими, передвижения по городу и т. д. тоже оказываются недоступными. Последнее и означает разрушение до сих пор устойчивого формата практик повседневности.

Для решения этой задачи адекватным выглядит определение ситуации социальной нестабильности как *ситуации переходности, лиминальности*. «Лиминальность (liminality) – стадия перехода системы из одного состояния в другое, связанная с утратой структуры, иерархии, статуса элементов... переход от одной определенности к другой, одного состояния системы в другое, что предполагает некую стадию деструктивности, утраты определенности.

Подобные процессы можно характеризовать как лиминальные”[3].

Первоначально термин “лиминальность” использовался Арнольдом Ван Геннепом и Виктором Тернером для обозначения определенной фазы в свойственных различным культурам ритуалах перехода из одного социального статуса в другой (возрастной, семейный, социальный). Эти ритуалы, с точки зрения названных исследователей, включали три фазы: фазу отделения, выведения человека из той социальной ситуации, где он находился ранее, собственно фазу лиминальности (переходности) и затем фазу реинтеграции в новую стабильную ситуацию. В самом общем виде такая схема годится и для осмысления интересующих нас макросоциальных переходностей. Разница лишь в том, что в названных культурных ритуалах хорошо известно, откуда и куда совершается переходность и между какими стабильными состояниями возникает лиминальность. Эти переходности уже в силу своей ритуальности прогнозируемы и достаточно управляемы. В случае же с внезапно возникающей социальной нестабильностью мы с уверенностью можем говорить лишь о том, откуда начался переход (первичная стабильная ситуация) и констатировать ситуацию лиминальности – стадию деструктивности, утрату определенности. Вопрос о том, как будет выглядеть постлиминальная фаза здесь всегда остается открытым. Но с достаточной мерой уверенности можно предположить – контуры намечающейся новой стабильности (или ее возможных вариантов) можно наблюдать через призму процессов стабилизации повседневных практик после прохождения фазы их лиминального состояния. А течение этих процессов во многом определяется теми механизмами, которым они подчиняются.

Исходя из этого, мы и поставим наш основной вопрос: *каковы механизмы трансформации практик повседневности в ситуации переходности?*

Обратимся теперь к уточнению понятия практик повседневности и поиску методологических ходов, позволяющих наметить пути решения поставленной задачи.

Смысловое наполнение понятия «повседневность» в самом общем случае располагается в многомерном пространстве, конституированном такими дихотомиями, как “обыденное – теоретическое”, “жизненный мир – система”, “повседневное – неординарное”, “профанное – сакральное”, “дорефлексивное – рефлексивное”. Каждая из этих дихотомических пар, при безусловном наличии области их смыслового пересечения, указывает на определенный специфический аспект рассмотрения феномена повседневности, к которому обращается тот, кто использует в качестве релевантной ту или иную из названных смысловых осей. В нашем случае уже самим понятием “практики повседневности” подчеркивается прежде всего момент рутинизированного, непроектного, дорефлексивного следования определенному правилу, определенному рисунку совершения практических действий. Это ситуация, когда смысл действия и само действие как бы совпадают. Наиболее отвечающая такому видению линия теоретического осмысления повседневности выводит нас на проблему телесности и телесной укорененности правила и, соответственно, на работы М.Мерло-Понти, П.Бурдьё, Ч.Тейлора и др. В фокусе внимания этих авторов оказывается не то знание, которое предшествует практике в виде мыслительной конструкции, проекта, а то, которое неотделимо от самой практики, имманентно ей. Местом локализации такого знания эти авторы полагают нашу телесность. При этом подчеркивается, что вторичная возможность мыслительного и даже вербального представления такого знания вовсе не должна затенять первичность его психосоматической укорененности. П.Бурдьё пытался выразить это с помощью понятия *габитуса* как психосоматически укорененного принципа порождения всех практик, а также идеи практического смысла, присутствующего на габитуальном уровне.

Иными словами, релевантным для меня будет представление о практиках повседневности как таких, которые в наибольшей мере детерминированы габитуальными содержаниями агента этих практик.

Снова вопрос: насколько методологически оправданным является обращение к понятию габитуса? Возникающий при этом скепсис связан прежде всего с тем, что в случае габитуса мы имеем дело с эмпирически плохо схватываемым феноменом. Разрешающим эти сомнения может быть ответ – все связано с тем, в какой методологической перспективе мы собираемся исследовать проблему. Обозначенный выше скепсис выглядит вполне оправданным в случае, если мы тяготеем к позитивистскому полюсу в пространстве работающих в современной науке исследовательских программ (понятых в смысле И.Лакатоса [2]). Здесь действительно вопрос измерения, операционализации выступает как первостепенный. Возражать против понятия габитуса могут и те исследователи, которые придерживаются радикально постмодернистских взглядов на социальную реальность. В их базовой концепции реальности присутствует запрет на попытки заглянуть вглубь, за поверхность наблюдаемых явлений. В таком случае наблюдаемые практики могут попадать в поле зрения, а вот ненаблюдаемый габитус выглядит неким барочным излишеством.

В том же случае, если мы имеем дело с постпозитивистской парадигмой интерпретативного подхода к исследуемой реальности, право на жизнь получает любой концепт, позволяющий выстраивать интерпретирующие реальность конструкты. Научным его делает возможность конструировать определенные модели реальности и на их основе планировать эмпирические наблюдения. В этом смысле для меня габитус выглядит очень емким, перспективным концептом, позволяющим дальнейшее разворачивание дискурса повседневности.

Хочу обратиться к еще одному аргументу в пользу привлечения концептуальных предложений П.Бурдьё в качестве одного из методологических оснований решения поставленной задачи. В самом общем случае он связан с методологическим выбором в пользу микро-, макродетерминизма или предпочтения синтетических подходов.

Часто дискурс социальной переходности обнаруживает тяготение к концентрации на микрополусе социальной реальности (уровень личности, индивида, активизация понятий выбора, осознанности, ответственности), при явном ослаблении внимания к макроуровню, собственно системному влиянию. Одновременное удержание в поле зрения как макро-, так и микроперспективы вызывает при этом большие сложности. Думаю, решающим моментом здесь является масштаб контура переходности, на котором мы сосредотачиваемся. Микрополуса было бы вполне достаточно, если бы речь шла о переходности индивидуальной, кризисе индивидуальном. В случае рассмотрения переходных состояний на макроуровне соблазн свести ситуацию к сумме индивидуальных лиминальностей методологически выглядит мало оправданным, поскольку в таком случае игнорируется системность, эмерджентность общества как социального целого. Не исключая возможности сосредоточения на уровне индивида, полагаю, что в данном случае мы должны исходить из методологических перспектив, позволяющих удерживать в поле зрения как микро-, так и макровекторы. И здесь интегративность теоретических конструкций П.Бурдьё выглядит вполне отвечающей поставленным задачам, а понятие *габитуса* – тем основным концептуальным конструктом, который позволяет органично соединять микро- и макроперспективу исследовательского рассмотрения.

В этой связи обращусь к нескольким *уточнениям понятия габитуса*, присутствующим в работах Бурдьё. Они прежде всего связаны с теми детерминациями, из которых и кристаллизуется габитус. “*Habitus*, продукт истории, производит индивидуальные и коллективные практики — опять историю — в соответствии со схемами, порождаемыми историей. Он обуславливает активное присутствие прошлого опыта, который, существуя в каждом организме в форме схем восприятия, мыслей и действия, гарантирует “правильность” практик и их постоянство во времени” [1, с. 19]. Таким образом, габитус как то, что характеризует

прежде всего микроуровень социальной реальности, задает наличествующие в нем практики повседневности, оказывается неразрывно связанным с макроуровнем, той биографической траекторией, которая проложена носителем габитуса в пространстве социокультурных определенностей.

Иными словами, *габитус* – это наш *концентрированный опыт прошлого*, инкорпорированные в наше тело и психику окружающая нас культура и социальность. А вернее – те их конкретные реалии, через которые провела нас наша биография. В результате в каждый момент времени мы имеем на вооружении наши габитуальные предрасположенности, и именно их посредством реагируем на возникающие перед нами ситуации, что и порождает соответствующие практики: “Практики возникают в результате необходимого, хотя и непредсказуемого столкновения между *habitusom* и событием, которое может активизировать *habitus*” [1, с. 20]. Понятно, что габитус не является абсолютно жестким императивом по отношению к практическому воплощению своих установок. Диапазон вариативности достаточно высок. Именно этот диапазон позволяет при сходных начальных условиях вырабатывать различные индивидуально окрашенные стилистики исполнения различных практик, включая и практики повседневности. Но все же стабильный габитус очерчивает некий допустимый набор вариантов реагирования на ситуацию, за которые он не выпускает практики, обеспечивая тем самым своему носителю прогнозируемое и устойчивое существование.

Что же происходит в рассматриваемой нами ситуации переходности, лиминальности? В терминах габитуса это означает – практики повседневности, которые им порождались, которые привычны и рутинизированы, больше невозможны к исполнению. Внешняя ситуация не располагает больше ресурсами, допускающими такой рисунок практик. Оговоренная связь габитуса и практик повседневности переводит нашу задачу рассмотрения процесса изменения этих практик в ситуации социальной пере-

ходности в задачу рассмотрения процессов *изменения габитуса*, порождающего эти практики. В таком случае встает следующий вопрос: что может означать выражение “изменение габитуса” и как это может быть теоретически осмыслено?

Решение этой задачи, в свою очередь, требует дальнейшего уточнения смысла понятия габитуса. Причем, поскольку речь идет о процессах его трансформации, уточнение должно быть направлено на отыскание модели, описывающей процессы формирования габитуса.

Перед нами встает задача поиска таких подходов к моделированию габитуальной динамики, которые в первую очередь отвечали бы поставленной задаче – давали возможность обнаружить механизмы изменения габитуса (а вслед за ним и практик повседневности) в ситуации неустойчивости. Таким требованиям, с моей точки зрения, вполне соответствуют *нелинейные подходы* к моделированию сложных системных объектов, которые позволяют обнаруживать особую феноменологию поведения систем в ситуации неустойчивости. Эти подходы ассоциируются с тем направлением в современной науке, которое сейчас все более утверждается под именем *постнеклассического*. В основе его лежит предложенный В.Степиным критерий различения системных объектов, находящихся в исследовательском фокусе классической, неклассической и постнеклассической научных исследовательских программ. Речь идет прежде всего о различении по принципу линейность – нелинейность объекта. Разница в таком взгляде и определяет то, к какой эпистемологической платформе (классика, неклассика, постнеклассика) тяготеет исследователь [4].

Вступив на эту методологическую платформу, мы вынуждены следовать ее концептуальным поворотам и понятийному оснащению. Среди множества новых понятий, возникающих при исследовании нелинейных объектов, для нас необходимыми в дальнейших рассуждениях будут два из них. Это понятие *системного аттрактора*, с по-

мощью которого описывается процесс возникновения – разрушения – нового возникновения упорядоченности в нелинейной среде. Введение этого понятия нужно для правильной трансляции двух смыслов. Во-первых, притягательности таких упорядочивающих состояний для элементов среды (они как центр циклона, создающего процессуальную, подвижную структуру). Во-вторых, наличия нескольких аттракторов (нескольких притягивающих центров), что позволяет передать присущую нелинейным объектам вариативность в прогнозе последующей новой упорядоченности среды после прохождения фазы разрушения (лиминальности). Другое понятие – *бифуркационность*. Его предназначение – констатировать возможное ветвление системной траектории после прохождения фазы лиминальности, что и порождает иные по отношению к эволюционным – бифуркационные механизмы изменения системного порядка, наблюдаемые в эти моменты [5].

Таким образом, в рамках выбранной постнеклассической эпистемологии под габитусом я буду понимать особую процессуальную упорядоченность (структуру), возникающую в сложной, нелинейной психосоматической среде в ответ на ее открытость внешнему физическому и социокультурному пространству и с учетом априорных особенностей самой среды. На входе этой открытой нелинейной среды — события жизненного мира человека, на выходе — ставшие неактуальными переживания и уже неревантные смыслы. А главный результат — спонтанно возникающая в среде аттрактивная структура, ее (среды) относительно устойчивая процессуальная упорядоченность — габитус. Именно он формирует систему предрасположенностей к определенному смысловому наполнению реальных событий и, соответственно, систему предрасположенностей к определенному рисунку исполнения различных практик — телесных, вербальных, мыслительных, социальных. Изменение этой психосоматической структуры-габитуса влечет за собой изменение всей системы установок на интерпретацию внешней реальности и на совершение в ней различных практических действий.

В случае стабильного состояния габитуса-аттрактора ключевым словом описания способа его практического воплощения действительно выступает слово “привычность”, особенно если мы говорим о практиках повседневности. Хотя в общем случае привычность все же понимается достаточно широко. Например, привычка в тех или иных случаях включать сознательный контроль, действовать рационально, как говорит Бурдьё, вовсе не означает выйти за пределы габитуса. Просто в данном случае условия, в которых данный габитус сформировался, предполагают рациональность как привычное действие. (В качестве примера социолог приводит экономические практики). Но в случае с практиками повседневности привычка к осознанию как бы отключается или работает на минимальной мощности. В ней нет потребности в силу рутинизированности, отработанности соответствующих практик. В этих практиках, как говорит Бурдьё, не встает вопрос о цели и намерениях даже постфактум: “Habitus делает вопросы о намерениях поверхностными не только для производства, но и для расшифровки практик и действий. Автоматические и безличные, означенные без намерения придать значение повседневные практики подлежат пониманию, не менее автоматическому и безличному” [1, с. 22].

Совсем по-иному выглядит ситуация, которую можно обозначить как ситуацию *неустойчивости психосоматической среды*, которая наступает в результате сопутствующей состоянию лиминальности фрустрированности, дезориентированности. Высокая неустойчивость среды влечет за собой скачкообразное системное изменение наличествующего в ней структурного порядка, изменения конфигурации работающих аттракторов, а значит, изменение габитуса. Что существенно – потенциально вариативное изменение. Эта *бифуркационная трансформация* габитуса выступает *альтернативой эволюционной смене* габитуальной структуры, идущей через постепенный демонтаж старых привычек и их замену новыми, что невозможно в ситуации глубокой дестабилизации.

Таким образом, говоря о процессах трансформации габитуса, мы должны рассматривать *два возможных основных механизма его трансформации. Эволюционный*, действующий в относительно стабильных ситуациях или ситуациях мягкой переходности, позволяющий набирать новый опыт постепенно, что и дает возможность габитусу “ремонттировать”, перестраивать некоторые свои составляющие. Другой механизм – *бифуркационный*, описывающий картину изменения габитуальной структуры в ситуации быстро наступающей нестабильности. Это классическая лиминальность, когда наиболее подходящей иллюстрирующей аналогией оказывается образ калейдоскопа – вся предыдущая картинка разрушается и из обломков формируется новая, часто к старой не имеющая никакого отношения. На практики повседневности это проецируется в виде достаточно быстрого разрушения привычного рисунка этих практик, причем по значительному сегменту поля их совершения, а не в отдельных локальных областях (в последнем случае эволюционные механизмы габитуальной трансформации оказываются вполне адекватными).

Бифуркационный механизм трансформации практик повседневности часто уходит из поля зрения исследователей, приверженных классической методологической перспективе и линейному рассмотрению соответствующих объектов. Не случайно термин эволюция долгое время был определенным синонимом термина “изменение”. Нелинейная оптика вынуждает нас ввести бифуркационность в понятийный аппарат осмысления процессов системных изменений, включая и габитуальные. Особым содержанием этого концепта, его смысловым новшеством является то, что в результате действия такого механизма невозможно однозначное прогнозирование того нового состояния, к которому устремится габитус, а вместе с ним и практики повседневности. Здесь наблюдаются непривычные для линейного видения вариативность и непредсказуемость.

Последний момент делает интересным и перспективным исследование генезиса возможных вариантов нового оформления практик повседневности. Как правило, их потенциал можно обнаружить в социокультурных маргиналиях. Это объясняет криминализацию повседневности, часто наблюдаемую в ситуации нестабильности и сразу после выхода из нее. Но то, что это не всегда оказывается безусловным поворотом событий, говорит опять таки в пользу потенциальной вариативности тех изменений, которые возможны в рисунке практик повседневности после прохождения фазы переходности.

Литература

1. Бурдьё П. Структуры, habitus, практики / П.Бурдьё // Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас : учеб. пособие. – Новосибирск, 1995. – С.17–26.

2. Лакатос И. Методология научных исследовательских программ / И. Лакатос // Вопросы философии. – 1995. – № 4. – С. 135–154.

3. Проективный философский словарь: Новые термины и понятия / под ред. Г.Л.Тульчинского, М.Н.Эпштейна. – М. : Алетейя, 2003 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://hpsy.ru/public/x3023.htm>

4. Степин В. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения / В.Степин [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.intelros.ru/intelros/reiting/rejting_09/material_sofiy/6154-klassika-neklassika-postneklassika-kriterii-razlicheniya.html.

5. Более подробно о методологических возможностях нелинейных подходов см: Бевзенко Л. Д. Социальная самоорганизация. Синергетическая парадигма: возможности социальных интерпретаций / Л.Д.Бевзенко – К. : ИС НАНУ, 2002. – 437 с.